

ПОЛОВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

М.В. Пулькин

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА в XIX — НАЧАЛЕ XX в. (по материалам Олонецкой губернии)

Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»

Общеизвестно, что выбор вариантов поведения для каждого индивида крайне ограничен. Давление социума, государственный контроль, собственные представления, «комплексы» той или иной личности с древних времен стали ограничителями индивидуальных предпочтений. Все эти факторы неповторимы для каждой эпохи, они определяются «объективными закономерностями развития конкретного общества» и в то же время могут рассматриваться «как одна из его важнейших типологических характеристик» [Марасинова 2008: 3]. В этой связи в современной литературе подчеркивается особое значение социального контроля: он рассматривается как «более эффективное средство обеспечения законопослушности граждан, чем контроль репрессивный, карательный». Более того, ведущая роль в формировании социального контроля отводится культуре, «преисполненной высоких нравственных требований». Эти общественные императивы обеспечивают «более действенный контроль над нарушением норм», чем такая культура, которая воспринимает контроль только как причинение боли своим «оступившимся чадам» [Брэйтуэйт 2002: 29].

Цель данной статьи заключается в исследовании действия составных элементов социального контроля, заключающихся, по мнению автора, в

нормативном давлении со стороны крестьянского сообщества, семейных традициях, традиционных стандартах жизни церковного прихода и в целом в православных этических нормах, а также в становлении и росте влияния систематического начального образования.

В современной науке социальный контроль рассматривается как «механизм самоорганизации (саморегуляции) общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка, устранения, нейтрализации или минимизации нормонарушающего (девиантного) поведения» [Гишинский 1998: 14]. Проблема социального контроля является одной из определяющих при анализе общественных изменений и изучении опыта поддержания стабильности социума. Первая мысль, которая возникает при обращении к этой проблеме, связана с государственным аппаратом. Однако возможности государства, связанные с контролем над жизнью граждан, оставались незначительными. Система местных органов власти, в том числе полиция, постепенно увеличивая число служителей закона и количество областей контроля, обретая все новые полномочия, все же оставалась малоэффективной и проникала далеко не во все сферы жизни граждан. Доминирующим средством социального контроля оставалось крестьянское сообщество, компетенция которого не претерпевала существенных изменений в течение изучаемого периода, опираясь не столько на нормы закона, сколько на традиции, заветы предков и собственные, крестьянские представления о нормальном, социально приемлемом поведении. Эти представления не всегда совпадали с законом и порой казались явно странными, а то и преступными, «дикими», с точки зрения европеизированной элиты российского общества, но их альтернативой мог стать только хаос: критики существующих порядков оказывались неспособны разработать иные пути поддержания стабильности общества.

Отклоняющееся поведение связано с общественно опасными деяниями. По утверждению С. Московичи, «общество, имеющее прочные практические и правовые устои, терпимо по отношению к отклоняющимся или неконформным явлениям», но при нарушении социальной стабильности угроза, исходящая от девиантных проявлений, существенно возрастает [Московичи 1998: 65]. Эпоха перемен вынуждает соответствующие структуры уделить большее внимание отклоняющемуся поведению, фиксировать и внимательно изучать те или иные нарушения устоявшихся норм. Всевозможные преступления против личности, судя по документам, встречались в истории Европейского Севера постоянно, причем имела отчетливая тенденция к их численному росту, увеличению масштабов. Это стало частью общероссийской тенденции. Как

писал современник событий, «преступность в пределах Европейской России несомненно увеличивается и увеличивается в прогрессии, превышающей рост населения» [Тарновский 1899: 142].

Важная роль в сложившихся в течение веков методах социального контроля отводилась церковным сообществам, среди которых наиболее массовой формой стал приход. При осуществлении социального контроля на приход возлагались разнообразные задачи. Наиболее заметными стали функции, связанные с исповедью [Бернштам 2005: 245]. В течение всего доступного для изучения периода отказ от участия в таинстве покаяния рассматривался как проявление политической неблагонадежности и мог повлечь за собой ограничение в правах. Другим направлением контроля стало венчание. Осуществление таинства брака находилось под неусыпным контролем приходского духовенства, призванного выявить возраст вступающих в брак, отсутствие между ними близких степеней родства, добровольность заключения брачного союза. Венчаться разрешалось только в собственном приходе, что при отсутствии конкуренции приводило к злоупотреблениям. Многие другие формы и методы социального контроля, связанные с приходом, подробно рассмотрены в монографиях Т.А. Бернштам (например, [Бернштам 2000]).

Являясь важнейшим элементом контроля, приходское духовенство в то же время само становилось объектом неусыпного надзора, во-первых, со стороны прихожан и, во-вторых, со стороны духовного начальства. Прихожане осуществляли контроль косвенным образом. Известно, что материальное благополучие духовенства в значительной мере зависело от «доброхотства» крестьян, их готовности предоставлять служителям церкви средства к существованию и земельные наделы. Все попытки духовной власти поменять ситуацию в данной сфере, найти стабильные и не зависящие от воли прихожан альтернативные формы обеспечения духовенства не увенчались успехом. В ряде случаев, особенно в XVIII в., духовенству могло угрожать и избиение, и угроза расправы.

Но и сама духовная власть во все большей степени стремилась контролировать приходское духовенство. Это начинание осуществлялось в деятельности благочинных, регулярно посещающих приходы. Они же составляли отчеты, служащие первичным материалом для епархиальных отчетов. Оценивая церковное влияние в целом, следует отметить, что оно оказалось разносторонним и приобретало различные черты в те или иные исторические периоды. По сути дела, церковь в обществе выполняла ту функцию, которую сегодня принято называть «профилактикой преступности». Но сфера ее компетенции оказалась значительно шире. При этом иногда церковь выступала источником отклоняющегося

поведения. К помощи полиции прибегали при столкновениях с радикальными сторонниками старообрядческого вероучения, для решения вопросов, связанных с конфликтами между духовенством и прихожанами [Пулькин 2009: 317].

Возможности российского общества противопоставить негативному поведению иные, «правильные», одобряемые нормы, а также эффективную карательную систему оказывались небольшими и имели тенденцию к сокращению. Речь шла о крайне немногочисленном полицейском аппарате, в котором важнейшая роль отводилась полицейским урядникам. Современник событий так описывал их предназначение. «Без действия полицейского урядника мало кто из администрации обходится. Первоначальное расследование уголовного дела в деревне и розыск по горячим следам всецело зависят от того же полицейского чина, потому что сюда судебная и полицейская власть не скоро может прибыть, ибо и самые донесения о происшествиях они могут получить не ранее как через несколько дней» [И. Л-н 1902: 3].

В начале XX в. закон возлагал на полицию «предупреждение готовящихся, раскрытие совершившихся и пресечение обнаружившихся преступных деяний». Все эти меры осуществлялись в тесном взаимодействии с судебной властью. При получении информации о преступлении полиция обязывалась «тщательно охранять следы преступлений», принимать «безотлагательно самые энергичные меры к обнаружению и в надлежащих случаях задержанию виновных». Далее следовало перейти к «первоначальному дознанию», которое «произвести быстро и толково» [Степанов 1913: 7].

Однако соотношение неписанных норм и закона, судебных решений оставалось непростым: обычное право могло как противостоятъ законодательным нормам, так или усиливать, дополнять их. Северные крестьяне не любили выносить сор из избы и нередко решали споры на сходах, минуя суд. Как правило, крестьянская община «служила общему благу и тратила свои средства на то, чтобы избавиться от нарушений правил внутри самой общины и от бюрократического вмешательства» [Хок 1993: 147]. Во всяком случае, неизвестный автор записки о «Примеченном образе правления в деревнях разного рода государственных крестьян» писал, что на сходах нередко «определяются прошения о заведении земель, <...> которые еще в канцелярии неизвестны», а также многие другие проблемы, способные привести или уже приведшие к девиантным проявлениям [АСПБИИ. Ф. 3, оп. 1, д. 380, л. 148]. Наконец, современник событий А. Лялош, оценивая положение дел в Олонецкой губернии, отмечал, что «общинный дух очень силен в Олонецкой губернии и нити, связующие олонецких сообщников воедино, сделаны из

крепкого материала» [Лялош 1874: 220]. В то же время в Олонецкой губернии из-за слабого развития системы путей сообщения «чиновничество от народа дальше, чем в остальной России» [Там же: 236].

Проблема социального контроля осложнялась отсутствием подготовленных чиновников и неурядицами, связанными с открытием (в связи с реформами) многочисленных новых органов власти. Эти рассуждения весьма широко распространены в трудах историков. В 1915 г., подводя первые итоги судебным реформам императора Александра II, Н.П. Мухин подчеркивал остроту кадровой проблемы. По его данным, чиновники «избегали приезда в Олонецкую губернию». При этом особенно тяжелой оставалась «служба исполнительных чинов полиции, обязанных производить не только дознания, но и следствия». Приговоры уголовной палаты «десятки лет не приводились в исполнение и накапливались сотнями». Положение обвиняемых также оказывалось незавидным: они «томились по несколько лет в заключении, ничего не зная о положении дела». Но и удачное завершение судебного процесса имело плачевные последствия: «для объявления приговора привлеченное к делу лицо с места своего жительства вызывали в Петрозаводск иногда за 700 верст». Это отвлекало от работ, «лишало всякой возможности обжаловать приговор в срок» [Мухин 1915: 8].

Реформирование судебных органов также оказалось непростой задачей. Одним из первых начинаний в деле преобразования судебной системы стало появление мировых судов. По ряду причин, «главным образом финансового свойства, а также по недостатку в личном судебном персонале повсеместное осуществление судебного преобразования сильно замедлилось». Поэтому к 1894 г. двадцать три губернии, включая Олонецкую, «оставались при старом дореформенном суде». Формирующееся в губернии земство «неоднократно через своих представителей возбуждало ходатайства перед правительством о введении в Олонецкой губернии суда присяжных» и открытии окружного суда. В мае 1894 г. это начинание осуществилось.

Исследование, проведенное в связи со всеми перечисленными реформами, показало, что «число лиц местного населения, обладающих личным и имущественным цензом для исполнения обязанностей присяжных заседателей», оказалось равным 1600 чел. В феврале 1898 г. император утвердил мнение Государственного совета о введении суда присяжных в Олонецкой губернии, а в июле 1898 г. состоялось торжественное открытие суда присяжных заседателей [Там же: 16].

Но для того чтобы эффективно предотвращать девиантные проявления, деятельность судебных органов оказывалась недостаточной.

Остро ощущалась необходимость в воспитании законопослушных граждан. Это стало одним из факторов, создавших систему начального образования. Ее усилия были направлены на ускоренную адаптацию подрастающего поколения к существующим порядкам, воспитание законопослушных граждан. Как говорилось в отчетах благочинных начала XX в., «с увеличением числа грамотных нравственность в народе возвышается, что показывает отсутствие нескромных песен и игр и прекращение увеселений в установленные святой церковью посты» [НА РК. Ф. 25, оп. 20, д. 9/96, л. 147]. В труде А. Чупрова, написанном в конце XIX в., содержатся аналогичные выводы, подкрепленные статистическими данными. Как оказалось, лица, «прошедшие хоть какую-либо школу», составляют среди осужденных «самый ничтожный процент, а именно 2 %»; 25,8 % относятся к числу грамотных, а 72,2 % осужденных за различные преступления неграмотны [Чупров 1884: 635–636].

В конечном счете благодаря образованности в народе росло «тяготение к нормам писаного закона, ограждающего личность от судейского произвола и предоставляющего больший простор для ее самоопределения» [Бржеский 1902: 76]. Однако влияние школы не следует преувеличивать. В начале XX в. заметный рост числа учащихся, как подчеркивал В.А. Копятеквич, совпал с ощутимым ростом разнообразных форм девиантного поведения [Копятеквич 1914: 21]. Длительное время находясь в деревне, учителя менялись не в лучшую сторону: «Грубая среда, в конце концов, заглушает в них все доброе, святое, и они ничем не отличаются от неграмотных серых мужиков» [Родин 1910: 7].

Общественное мнение также не могло стать серьезным фактором, препятствующим девиантным проявлениям. Его влияние, особенно в городах, становилось в течение изучаемого периода все менее значимым. Важным является и другое обстоятельство. У общества отсутствовал некий единый идеал, противопоставляемый девиантным образцам поведения. В Средние века таким идеалом могли послужить жития святых. По мере роста секулярного сознания использование этой разновидности литературы в поисках идеалов, применимых к повседневной жизни, оказалось маловероятным. Более того, память верующих нередко противопоставляла благочестивых предков и забывающих о христианской морали современников, косвенным образом санкционируя девиантное поведение. Общепринятые нормы вообще трудно точно определить, в результате чего девиантность принимает огромное множество промежуточных форм между отклоняющимся и одобряемым обществом поведением.

Подводя итоги, отметим, что в ответ на проявления девиантности, угрожающие общественному спокойствию и «благочинию», принимались жесткие меры, в той или иной степени связанные с социальным контролем. Но судебные приговоры, наказания виновных сами по себе не были способны противостоять девиантным проявлениям, число которых постоянно и существенным образом увеличивалось. Одним из существенных факторов, осложнявших социальный контроль, стала кадровая проблема: число подготовленных работников, способных вести следствие и выносить приговоры, опираясь на сложное законодательство Российской империи, оставалось в Олонецкой губернии небольшим и слабо увеличивалось на протяжении всего XIX в. Многие девиантные проявления, представляющие общественную опасность, не укладывались в рамки действующего законодательства, подлежали церковному суду. Но и здесь возникали существенные сложности как в разграничении полномочий церковного и светского судов, так и в гибком и быстром реагировании на происходящие события.

Другим существенным фактором, призванным решить ряд проблем девиантности, стало формирование и развитие системы народного образования. Не стоит видеть в увеличении числа школ лишь простой рост числа учреждений, дающих рациональные знания о мире, а в основном обучающих чтению и счету. Значение школ заключалось в преодолении сложившихся гендерных стереотипов, приучении молодежи к цивилизованным формам общения, расширению кругозора. Оценка влияния школ на девиантность является сложной исследовательской задачей. С одной стороны, школа вырывала мальчиков и девочек из крестьянской среды, где поведение в значительной мере определялось традиционными нормами, а отклонение от них нередко приводило к насилию по отношению к лицам, не согласным с освященным веками укладом. С другой стороны, школа открывала простор для формирования новых поведенческих стереотипов, не все из которых оказывались положительными. Кроме того, современники не без оснований указывали на печальный факт: живя среди крестьян, учителя постепенно впитывали не самые лучшие нормы поведения местных жителей и зачастую не могли стать препятствием на пути девиантных проявлений или даже просто служить примером для воспитанников.

Церковное влияние, наряду с образованием, могло стать заметным фактором, препятствующим развитию девиантных проявлений. В действительности нередко имело место обратное: деятельность некоторых представителей духовного сословия, их сознательный выбор или неосторожные поступки влекли за собой серьезные проблемы, рост

девиантных проявлений и напряженности в обществе. Существование приходов нередко было связано с многочисленными и разнообразными конфликтами, одни из которых обуславливались конфессиональными противоречиями (влияние старообрядчества, проблемы при осуществлении церковных таинств), а другие были связаны с имущественными вопросами. Те и другие проблемы существовали не раздельно, а значительно чаще оказывались переплетены. Ведь конфликтующий с прихожанами пастырь не мог рассчитывать на полную откровенность при таинстве исповеди, регулярное посещение богослужений и тем более на материальную поддержку со стороны прихожан в деле создания и поддержания церковного «благолепия». Духовная власть между тем подталкивала приходское духовенство к борьбе против старообрядческого влияния, еще более усиливая вероятность конфликтов с паствой, приводя к заметным противоречиям между крестьянами и священником, поневоле посягающим на устоявшиеся нормы поведения и освященные веками обычаи.

Библиография

Анзимирова М.Н. Причины нравственной физиономии женщины. Исторический очерк с приложением статей по женскому вопросу. СПб., 1901.

Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт церкви в народном христианстве. СПб., 2000.

Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни. Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005.

Брэйтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002.

Бржеский Н. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902.

Гилинский Я. Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы // Социальный контроль над девиантностью в современной России. СПб., 1998. С. 8–17.

Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.

И. Л.-н. За Богом молитва, за Царем служба не пропадают // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 72. С. 3–4.

Копятевич В.А. Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие. 1897–1911 гг. Петрозаводск, 1914.

Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005.

Лялош А. Сельская община в Олонецкой губернии // Отечественные записки. 1874. № 2. С. 218–237.

Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII в. М., 2008.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.

Мухин Н.П. К двадцатилетию Петрозаводского окружного суда. В связи с пятидесятилетием судебных уставов императора Александра II. Петрозаводск, 1915.

Пулькин М.В. Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск, 2009.

Родин И.М. Ответ на слова: «и несть избавляющего» // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 24. С. 7–8.

Сабанцев А.Н. Судебные учреждения Олонецкой губернии в конце XVIII — начале XX в. (проведение судебных реформ 1775 и 1864 гг.). Петрозаводск, 2005.

Степанов А.В. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений. Петрозаводск, 1913.

Тарновский Е.Н. Движение преступности в Европейской России за 1874–94 гг. // Журнал министерства юстиции. 1899. № 3. С. 140–152.

Чупров А. Некоторые данные о нравственной статистике России // Юридический вестник. 1884. № 8. С. 635–648.

Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.

С.Б. Адоньева, Л. Олсон-Остерман

МАТЕРИНСТВО: ИНТИМНЫЕ ПРАКТИКИ ЖЕНСКОЙ ИЕРАРХИИ

Рождение детей — практика, определяемая биологической природой человека. Эта практика — базовая, она связана с существованием популяции как таковой. Организующие ее социальные институты принадлежат к корневым механизмам воспроизводства культуры. И, естественно, они тесно связаны с другими основополагающими социальными институтами общества, посредством которых осуществляется межпоколенческая трансляция отношений и смыслов.

«Каков бы ни был тип общества, — писал ван Геннеп, — жизнь конкретного человека обусловлена последовательными переходами от одного возраста к другому и от одного рода деятельности к другому. Там, где переход от одной деятельности к другой является жизненной вехой, он сопровождается особыми действиями» [Геннеп 1998: 9]. Один из таких переходов — рождение ребенка. Осмысление акта рождения